

В. П. Санчи́ров

РУССКИЕ ПОСЛАНЦЫ В СТАВКЕ КАЛМЫЦКОГО ТАЙШИ ДАЛАЙ-БАТЫРА ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XVII в.

Исторические связи Русского государства с предками калмыков — ойратами — возникли в конце XVI — начале XVII в., когда границы России после завоевания Сибирского ханства отрядами Ермака переместились далеко на восток, а также на юг Западной Сибири к верхнему течению Иртыша, Оби и Енисея. Начальный период русско-ойратских отношений охватывает время с момента появления в Западной Сибири значительного числа кочевников-ойратов в последние годы XVII в. и примерно до конца второго десятилетия XVIII в. Этот период характеризуется установлением оживленных дипломатических и торговых отношений между Русским государством и кочевыми объединениями дербетов и торгутов, входивших в северо-западную группировку ойратов. Ойратские тайши, прочно обосновавшиеся кочевьями у границ русских владений в Сибири, терпя поражения от своих более могущественных соседей — казахских султанов и восточномонгольского Алтын-хана — вынуждены были согласиться принести шерть (присяга народов нехристианского происхождения. — В. С.) на подданство русскому царю. События 1607–1608 гг. и шерть 1608 г. положили начало вхождению в состав Русского государства этой части ойратов, получивших с того времени в русских документах новое этническое наименование «калмыки» [1, с. 7–17].

Первые упоминания об ойратах в русских источниках появляются в конце XVI в., но более многочисленными и разнообразными данные о них становятся в XVII в. с того времени, как они вступили в политические и торгово-экономические отношения с Русским государством. В них они с самого начала называются «калмыками». Этноним «калмык» (от тюрк. «калмак») был заимствован русскими у тюркоязычных народов. Так соседи ойратов — сибирские татары, ногайцы, казахи, уйгуры, киргизы и др. — издавна называли западных монголов (ойратов). Наиболее полная публикация сохранившихся в архивах русских документов по истории Монголии, включая и историю ойратов, была предпринята Институтом востоковедения АН СССР (РАН) во второй половине XX в. [2; 3; 4; 5].

Документы о посольских связях Русского государства с ойратскими кочевыми группировками имеют большую познавательную ценность и научную значимость. Однако полученная из них информация относится преимущественно к военно-политическому и дипломатическому аспекту взаимоотношений ойратов и монголов с Русским государством. Углубленно и систематически изучавший архивные документы С. К. Богоявленский указывал на то, что, несмотря на содержащийся в них богатый фактический материал, они, по крайней мере в отношении первой половины XVII в., «могут помочь главным образом установлению фактов внешней истории калмыков и очень мало дают по вопросу о структуре общества и производственных отношениях» [6, с. 50]. Различные стороны внутренней жизни, общественного строя, быта кочевников не нашли в

них, за редким исключением, достаточно полного отражения. Тем не менее в посольских документах представляют интерес заключенные в них сведения о пути следования посольств (с указанием, где и когда они были, что видели, с кем и о чем говорили), о встрече и приеме послов (особое внимание уделялось вопросам этикета), о ходе и результатах дипломатических переговоров [7, с. 105].

Ценные свидетельства и наблюдения очевидцев событий можно найти в материалах русских посольств к калмыцкому тайше (правителю крупного кочевого объединения-улуса) Далай-Батыру во втором десятилетии XVII в. Известно, что ход событий в русско-ойратских отношениях не соответствовал тем ожиданиям, которые первоначально возлагало русское правительство на шертъ 1608 г. Отказ тайшей подтвердить присягу на подданство привел к тому, что в этих отношениях наступил перерыв, длившийся несколько лет. В 1610–1613 гг. произошли отдельные столкновения между русскими и кочевыми группировками «калмыков». Натолкнувшись на сопротивление, «калмыцкие» тайши пошли на мирное урегулирование конфликтов с русскими властями Сибири. Правительство царя Михаила Федоровича из новой царской династии Романовых также стремилось избежать дальнейшего обострения напряженной обстановки на южных границах своих сибирских владений. Оно дало указание сибирским воеводам больше не совершать походов против «калмыков», а мирными средствами побудить их принять российское подданство.

Местные воеводы начали отправлять посольства в ойратские улусы, а ойратские правители, в свою очередь, стали присылать своих представителей в сибирские города. В 1616 г. тобольский воевода князь И. С. Куракин, являвшийся фактически главой всей русской администрации в Сибири, снарядил к ойратам посольство, которое возглавляли тобольские жители Томила Петров и Иван Куницын. Целью этого посольства было убедить ойратских князей, «чтоб они под государевою рукою были и в государеву отчину в Сибирь и в-ыные в сибирские города с товары приходили» [2, с. 52]. В ойратских владениях русским представителям был оказан радушный прием: «...им де для царского величества была от них честь великая, и кормы были довольны, и отпустили их честно ж, и из земли своей провожали, и своих послов в Тоболеск с ними вместе отпустили» [2, с. 52–53].

На переговорах ойратские тайши в ответ на добрую волю нового русского правительства заявили, «что они государю служить и во всем радети рады, и под его государевою высокою рукою быти готовы, и со всякими товары в его государевы города людей своих посылати учнут» [2, с. 52]. К такому шагу их побуждала заинтересованность в развитии торговли с Русским государством, необходимость поездок с посольствами и торгами в сибирские города. Получил взаимоприемлемое решение и самый острый вопрос — о кочевьях: тайши должны были отказаться от самовольных захватов пастбищных территорий и согласиться с требованием русских властей «под государевы города не ходити и з государевыми людьми не диратца», т. е. не совершать нападений на русских подданных.

Миссия Т. Петрова и И. Куницына к правителю крупной ойратской группировки дербетскому тайше Далай-Батыру продолжалась более пяти месяцев. Почти два месяца заняла дорога из Тобольска в ойратские улусы, два месяца обратно, и один месяц они прожили в ставке самого Далая. По возвращении в Тобольск они информировали местные власти обо всем виденном и слышанном в поездке, после чего были отправлены в Москву, чтобы там доложить об итогах переговоров. Их «расспросные речи» в Посоль-

ском приказе содержат ценные сведения об обстановке внутри улуса Далая. В Москве русские посланцы рассказали: «А начальной тайш у всей Колмацкой земли тот Багатырь Талай-тайш. И называют его всю Колмацкою землею царем, а сам он себя царем не пишет. А у него 4 брата родных под ним <...> а двоюродных братья и племянников в тайшех у него много. А думчие ближние тайши — Чюгур да Урлук-тайша» [2, с. 52].

Судя по всему, полнота власти находилась в этой группировке в руках дербетского тайши Далай-Батыра, который смог значительно укрепить свое положение в союзе с торгутами. Как считает М. Ходарковский, «союз с Хо-Урлюком позволил Далаю взять верх над соперниками в своем племени и объявить себя главным дербетским тайшей» [8, р. 77]. Обычно такие союзы скреплялись заключением браков между правителями улусов. Так, в русских архивных документах сообщается, что сестра Хо-Урлюка была выдана замуж за Далай-Батыра («Урлюкова де сестра за Багатырем-тайшею») [2, с. 29]. К этому дербетско-торгутскому союзу присоединился и хошутский тайша Чюгур (Чуукэр), который вместе с торгутским тайшей Хо-Урлюком состоял при Далай-Батыре главным советником («думца, думчий» значит «советник»). Из «отписки» (донесения) тобольского воеводы А. Н. Трубецкого, относящейся к 1628 г., известно, что дочь Чуукэра была замужем за сыном Хо-Урлюка Шукур-Дайчином [2, с. 145].

Пытливые и любознательные русские посланцы за время своего пребывания узнали много интересного о быте, религии, вооружении и военной тактике ойратов. Они отметили, что ойраты вели кочевой образ жизни: «А живут де они в своей земле кочевьями, а городов у них нет, а избы все полстяные (войлочные. — В. С.), возят на верблюдах. А на приезде они у большово тайша были в шатре, а шатер был бухарской с полами. И у иных больших тайшей шатры есть бухарские ж» [2, с. 52].

В соответствии с данными им инструкциями «проведывать про Колмацкую землю» посланцы тобольского воеводы выяснили, что группировка Далай-Батыра была многочисленной, хотя установить точное количество его людей оказалось невозможно («про тайшей ведать и людей сметить было немочно, потому что их много») [2, с. 52]. Эта крупная ойратская группировка обладала значительной военной силой. Т. Петров и И. Куницын указывают, что «... в разговорах они у колмацких людей слышали, что на бои збираютца 4 человеки больших тайшей, а с ними боевых людей по 10 000 человек» [2, с. 52]. Данное обстоятельство позволило группировке Далай-Батыра существенно упрочить свое внутреннее и внешнеполитическое положение, успешно воюя со своими воинственными соседями. «А нагайских людей колмацкие люди многих ежелет побивают, и ныне пошли на них воевать, и русских ясырей (пленников. — В. С.) у колмаков много, а имали их у нагайских людей» [2, с. 54].

По описанию Т. Петрова и И. Куницына, вооружены были «колмацкие люди» луками, копьями и саблями, а также на вооружении у них находилось некоторое количество огнестрельного оружия — «пищалей». Собственного производства пороха у ойратов в то время не было, поэтому они могли получать его, совершая походы против жителей среднеазиатских городов, только «... в те поры, как погромят бухарцов, и они порох емлют у них» [2, с. 54]. Воевали ойраты в шлемах и панцирях с наборными железными пластинами, которых не могли пробить ни выпущенная из лука стрела, ни удар саблей [2, с. 54].

Как у всех кочевых народов, главной ударной силой у ойратов являлась легковооруженная конница. Они предпочитали тактику дистанционного боя для получения решающего преимущества над противником. Ослабив его сначала градом стрел и мета-

тельных копий, ойратские воины только после этого сходились с ним в ближнем бою. Их тактика в сражении состояла из трех стремительных конных атак («напусков»): «первой напуск с луки, другой с копыи, 3-й с сабли. А только де они в 3 напуска на бою каких людей нибудь не сломят, и они отходят прочь» [2, с. 54].

Власть Далая распространялась и на какую-то часть казахского Большого жуза и киргизских племен. По свидетельству русских послов, «х Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обеим ордам колмаки сильны. А которые ясыри Казатцкие и Киргизские земли преже сего пойманы были в полон в Колматцкую землю, и тех ныне Богатырь-тайш, сыскивая, отдает им без окупу. А Казачьи и Киргизские орды начальники о том ему присылают бити челом, и живут с ним в совете и во всем Богатыря-тайша над собою почитают и его слушают» [2, с. 53].

Однако взаимоотношения группировки Далая с державой Алтын-хана, по-видимому, были в тот момент очень напряженными, и положение дел складывалось явно не в пользу ойратов. Они, по словам русских посланцев, находились «в страхованье» от Алтын-хана. Т. Петров и И. Куницын в ставке Далай-Батыра застали послов Алтын-хана, которые якобы прибыли в ойратские улусы для сбора ясака. В беседе с последними они узнали, что Алтын-хан «колматцким людем <...> силен», т. е. подчинил своей власти ойратов и собирает с них дань («емлют с колмаков китайской царь и Алтын-царь ясак по 200 верблюдов да по 1000 лошадей и овец на год со всякого тайша, с лутчих тайшей, опричь мелких тайшей») [2, с. 53]. Сведения об уплате дани ойратами скорее всего относились к правителям юго-восточной группировки ойратов. Они, потерпев несколько поражений от восточных монголов, вынуждены были какое-то время платить дань Алтын-хану. Тогда же некоторые хошутские тайши со своими улусами откочевали в Сибирь и присоединились к Далай-Батыру, как это сделал хошутский тайша Чюгур (Чуукэр).

Несмотря на враждебные отношения между ойратскими правителями и княжествами Халхи, традиционные культурные, политические и династийные связи их друг с другом продолжали сохраняться. На первые два десятилетия XVII в. приходится обращение ойратских князей и простых людей в ламаизм. Из Халхи к ойратам приезжали ламаистские проповедники, которые, по свидетельству русских посланцев, «колматцких людей к вере приводят к своей и грамоте учат своей» [2, с. 53–54].

Сообщается, что представители господствующего класса у ойратов — «большие тайши» — выучились грамоте и вместе со своими женами стали соблюдать «по своей вере» религиозные предписания в питании — не есть «кобылятины» и не пить кобыльего молока. «А понедельник чтят добре, ни пьют в него, ни едят, а поста имеют во весь год 4» [2, с. 54]. В жилище у неназванного «большого тайши» (это мог быть сам Далай-Батыр. — В. С.) Т. Петров и И. Куницын видели расставленные по стенам отлитые из серебра и позолоченные «шайтаны», т. е. фигурки ламаистских божеств, облаченные в дорогие ткани — «атласы и камки». Этим скульптурным изображениям и поклонялись обитатели кибитки.

В ставке у ойратского правителя русские посланцы имели возможность наблюдать совершение религиозных обрядов ламаистскими священнослужителями, которые «... молятца по своей вере шайтанам и оболочены [в] отласы и камки. А как молятца, и в то время бывает у них в одной руке колокольчики, а в другой бубенчики невеликие. А перед собою кладут по книжке по своей вере, и говоря по книшке с час, да зво-

нят обеими руками в колокольчики и в бубенцы, и кланяютца о землю на коленках» [2, с. 54].

В то же время новая вера еще не утвердилась окончательно среди ойратов. Некоторые из них признавались русским посланцам в том, что они «у ясырей у русских людей емлют <...> образы угодников божиих многих святых», которым они «поруганья никоторого не делают и их почитают же». При этом вчерашние язычники-ойраты простодушно рассуждали: «коли оне русских людей милуют, и они де и их учнут миловать» [2, с. 54].

Налаживание ойратской группировкой Далая добрососедских отношений с Русским государством создало благоприятные условия для дальнейшего развития русско-ойратских отношений. Летом 1617 г. в улусе Далая с посольской миссией побывал тобольский атаман Иван Савельев. Он отправился туда по приказу тобольского воеводы И. С. Куракина, добивавшегося от дербетского правителя принятия русского подданства. В дербетском улусе И. Савельеву был оказан теплый прием («езде ему была от колматцких людей почеть, и корм и подводы давали. А давали им корму в дороге довольно, овцы и вино кумызское (т. е. молочную водку. — В. С.) и кумыз, нужи им никакие в кормех не было») [2, с. 70].

Поселили русских посланцев в ставке Далай-Батыра от «Богатырева стану перестрела с 3 (перестрел — мера расстояния, равная полету стрелы. — В. С.)» [2, с. 70]. В «распросных речах» атамана сохранилось описание ставки дербетского тайши, в которой «изб не было», а были только войлочные кибитки. «А в стану у него изб его Богатыревых с 15 полстеньих да мечеть (т. е. хурульная кибитка. — В. С.) да приезжая изба полстяная ж» [2, с. 70]. В этой «большой приезжей избе», большой кибитке для приема приезжих гостей и посланцев, представители русской стороны были приняты одновременно с послами «Казачьей орды» и «Киргизской земли».

Перед началом церемонии приема им навстречу вышел служитель-татарин, который переписал и забрал у них все привезенные подарки и товары. Затем подарки занесли в кибитку и положили перед тайшей, и только после этого посланцев допустили к ойратскому правителю. «Богатырь сидел в-ызбе на земле на полсти (войлочном ковре. — В. С.), согбав ноги, а около ево сидели дети 2 сына <...> да 2 лабы (ламы. — В. С.), по-русски попы. А подле Багатыря-тайши туто ж в-ызбе жена ево большая» [2, с. 71]. Когда зачитывалась царская грамота с произнесением царского титула, Далай-Батыр встал и слушал стоя, после чего разговаривал с русскими посланцами уже сидя. «А говоря с ними, их подчивал, подносил им вино, делано ис кумызу да кумыз, а суды-чашки деревянные да ценинные (т. е. фаянсовые или фарфоровые. — В. С.), а иных никаких судов нет» [2, с. 71].

Атаман Иван Савельев находился в ставке дербетского тайши два месяца. Из его рассказа известны некоторые бытовые подробности о его пребывании среди ойратов. «А корму им давано на 10 ден корова или бык да на 4 дни, а инолды (иногда. — В. С.) на 5 ден по 2 овцы, а питья им в стан не давано. Пили, приходя к нему, тайшу, в стан, а инолды у людей ево, а инолды купя» [2, с. 71].

Результатом дипломатической миссии И. Савельева было ответное посольство Далай-Батыра к русскому царю. Осенью 1617 г. его послы Буга и Коомдан прибыли вместе с атаманом в Тобольск, а оттуда в сопровождении Савельева проследовали в Москву. 20 марта 1618 г. ойратские представители были приняты в Посольском приказе дьяком Саввой Романчуковым. О цели своего посольства они сказали дьяку: «Третьенадцатой

год тому, как оне учили царского величества с отчиною с Сибирью и с сибирскими пригородами знатца и к боярам и воеводам царского величества в города приезжать. И ныне у них про Московское государство вести и добрые и худые, и Богатырь-тайша с товарищи прислали их ныне проведать <...> подлинно» [2, с. 72]. От имени ойратских тайшей послы выразили согласие быть «со своею Колматцкою землею под государевою высокою рукою», просили покровительства русского царя против своих врагов «во оборону и в защищенье», а со своей стороны обещали помогать Русскому государству своими войсками в борьбе с его недругами. Ойратских послов особенно поразило сообщение С. Романчукова о том, что до них в Москве уже побывали представители их давнего противника Алтын-хана с челобитной о подданстве.

На переговорах между ними и царским дьяком отмечалось положительное влияние мирной торговли на развитие русско-ойратских отношений. За прошедшие тринадцать лет, как указывали посланцы Далай, их люди «ездят безпрестанно и в государевы города лошадей и коров и всякие животины пригоняют по 200 и по 300 и тем государевы города полнят» [2, с. 73]. На расспросы С. Романчукова о том, «какие у них узорочья и товары в Колматцкой земле, чтоб было царскому величеству годно, и грамотные и молитвенные люди у них есть ли, и какова вера и кому молятца», ойратские послы уклончиво отвечали: «Что будет царскому величеству в их земле годно, про то б им сказали, а наизусть не знают. А грамота у них и вера одна с Алтыном-царем, а язык свой» [2, с. 73].

После завершения переговоров об их результатах царский дьяк доложил Боярской думе, а затем ойратские послы были приняты царем Михаилом Федоровичем [2, с. 74–76]. 14 апреля 1618 г. послам была вручена царская жалованная грамота на имя Далай-Батыра, в которой подтверждалось согласие царя принять ойратских тайшей в русское подданство [2, с. 75–6]. За это Далай-Батыр со своими подвластными людьми должен был «служить и прямить» русскому царю и ходить со своими ратными людьми на «непослушников наших, куды вам наше царское повеление будет», как указывалось в грамоте. Сибирские ойраты получали торговые привилегии и право беспрепятственного приезда «в сибирские города в Тобольск и в-ыные наши города с лошедьми и со всякою животиною и со всякими товары, что у вас в Колматцкой орде ведетца». Сибирским воеводам предписывалось «со всею Колматцкою ордою быть в любви и дружбе» и не чинить никаких обид приезжающим с торгом ойратам. М. Л. Кичиков отмечает, что «в “Жалованной грамоте” нет упоминаний о заложниках, ясаке, этот документ больше похож на соглашение» [9, с. 52]. Столь малообременительные условия подданства сибирских ойратов объясняются желанием русского правительства приобрести в лице правителя крупной ойратской группировки Далай своего верного вассала на Востоке и тем самым склонить дипломатическими средствами правителей других ойратских объединений к переходу в российское подданство.

Литература

1. Санчилов В. П. Русское государство и ойраты в первом десятилетии XVII века. Начало вхождения калмыков в состав России // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. 2006. № 3. С. 7–17.
2. Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959. 352 с.
3. Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 470 с.

4. Русско-монгольские отношения. 1654–1685. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1996. 560 с.
5. Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2000. 488 с.
6. *Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков в 1-й половине XVII в. // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 48–102.
7. Источниковедение истории СССР. М.: Высшая школа, 1973. 560 с.
8. *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomads. 1600–1771. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992. 279 p.
9. *Кичиков М. Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста: Калм. гос. изд-во, 1966. 152 с.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2010 г.